

ранных государств) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908. С. 930.

⁴⁴ Денисов В.В. Указ. соч. С. 92, 93; Ерохин В.И. Указ. соч. С. 142.

⁴⁵ Денисов В.В. Указ. соч. С. 95, 96, 98, 99, 114.

⁴⁶ Ерохин В.И. Указ. соч. С. 142.

⁴⁷ Ковалев И.А., Пуришев И.Б. Указ. соч. С. 41.

⁴⁸ Денисов В.В. Указ. соч. С. 111.

⁴⁹ Сведения получены от руководителя Московской иконописной мастерской «Канон» А.В. Ренжина 12 октября 2001 г.

⁵⁰ Углич. Памятники архитектуры и искусства. С. 19; Кириков Б.М. Указ. соч. С. 15, 16, 65; Денисов В.В. Указ. соч. С. 46, 77, 78.

© 2003 г. Н. А. ЧЕТЫРИНА*

СЕРГИЕВСКИЙ ПОСАД И КУКОЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

При упоминании Сергиевского посада в памяти возникают два образа – знаменитая Троице-Сергиевская Лавра и игрушки. Посад стал символом кукольного производства еще в XIX в. В 1811 г. составитель статистического описания Московской губ. С. Чернов писал, что игрушки, изготовленные жителями Сергиевского посада, «во многом не уступают работе иностранной». К 1879 г. в посаде насчитывалось 333 игрушечных мастерских, где работали 1055 кустарей. В том же году с железнодорожной станции было отправлено более 21 тыс. пудов игрушечного товара. Гужевым транспортом он доставлялся в столицу по Ярославской дороге непрерывно. Общая стоимость произведенного товара составила 311 тыс. руб. На московских рынках можно было купить сергиевских резных деревянных коней, разных домашних животных, «пеленашек», кормилиц, детскую посуду, мебель и другие игрушки с яркой раскраской. Изделия сергиевских мастеров экспонировались на международных выставках в Париже, Льеже, Милане. К 1913 г. число игрушечных мастерских дошло до 471, причем большая их часть (397) обходились без наемного труда. Процветавшее в XIX – начале XX в. игрушечное производство изучали деятели земства, искусствоведы и даже революционер Ленин. В советское время кустари были объединены в артели, на базе которых затем создавались фабрики. Из Москвы был переведен Музей игрушки, организован Научно-исследовательский институт игрушки (1932) и училище (техникум) по подготовке кадров для этой отрасли промышленности, действующие и поныне. В 70–80-х гг. XX в. на эмблеме города красовалась стилизованная лошадка как знак живых традиций поселения. Последнее десятилетие ознаменовалось новым всплеском кустарного игрушечного промысла, и многие сергиевпосадцы занялись изготовлением матрешек, ставших не только ходовым товаром, но и одним из самых узнаваемых символов страны¹.

Истоки игрушечного промысла в Сергиевском посаде относятся ко второй половине XVIII в. В жизни Троице-Сергиева монастыря и окружавшего его сельского поселения произошли тогда два очень важных события. В 1764 г. церковные имения были секуляризированы и почти вся земельная собственность Лавры перешла в ведение Государственной коллегии экономии, а проживавшее на этих землях население перевели в разряд экономических крестьян. Тогда же были определены штаты монастыря и всех его служителей. Последствием этого шага стал перевод сложившегося около Лавры поселения из сельского разряда в городской. В 1782 г. по именному указу императрицы Екатерины II был учрежден «посад под именем Сергиевский», вошедший в состав Богородского уезда Московской губ. Посад – это городское поселение, не являющееся административным центром². В новом городском поселении формируются и новые городские сословия – купечество (234 души мужского пола) и мещанство (394 д.м.п.). В 1785 г. ремесленники объединились в 3 цеха – сапожный, портной и кузнечный (95 д.м.п.). В посаде продолжали проживать

* Четырина Наталья Аркадьевна, научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

экономические крестьяне (не менее 200 д.м.п.), не пожелавшие перейти в новые городские условия, а также работавшие на Лавру штатные служители (213 д.м.п.). В находящемся в центре посада знаменитом Троице-Сергиевском монастыре жили монахи (100 д.м.п.) и семинаристы (250 д.м.п.), а в богадельне – богаделенные (41 д.м.п.). Около приходских церквей жили церковно- и священнослужители со своими семьями (32 д.м.п.)³.

Сложному и в какой-то степени исключительному составу жителей соответствовал и состав органов городского управления. Отличительной чертой управления посадами является отсутствие управы благочиния во главе с городничим. Посад не выделялся структурно из уезда, и полицейские функции на месте должен был осуществлять выборный из дворян уезда земский исправник. В Сергиевском посаде существовали обычные для посадов выборные органы из числа городского гражданства – ратуша и подчиненные ей сиротский и словесный суды для местных купцов, мещан и цеховых. Штатные служители монастыря, монахи, семинаристы и богаделенные находились в ведении Учрежденного собора Лавры, который де-факто выполнял функции местного управления по отношению к подчиненным ему группам населения. Кроме того, в посаде с 1782 г. начинает действовать Богородская нижняя расправа – орган сословного суда для государственных, в том числе и экономических, крестьян.

Изменение статуса благотворно сказалось на хозяйственной жизни поселения. Городские условия получили большую свободу передвижения по стране, что способствовало развитию торговли. Розничная торговля, ориентированная на потребление местных жителей и множества приезжих богомольцев, ежедневно велась в лавках и дважды в неделю на рынке посада. Трижды в год происходили ярмарки, на которые съезжалось множество торговцев с товарами. В течение сравнительно короткого отрезка времени выделились несколько купцов, сумевших организовать для ближайшего оптового потребителя – Троице-Сергиева монастыря – поставку товаров и оказывавших ему другие услуги. К концу 80-х гг. XVIII в. монастырь закупал у местных торговцев до 30%, а в отдельные годы – около 50% всех необходимых для братии и монастырской конюшни продуктов и товаров⁴.

В это время в посаде существовали мелкие предприятия различного профиля. Цеховые и нецеховые ремесленники изготавливали свой товар частично на заказ, частично для лавочной или разносной торговли. Многие жители занимались шелкомотальным промыслом. Существовали несколько мелких шелкоткацких заведений по изготовлению лент и платков различной величины. Их владельцы были связаны партнерскими отношениями с владельцами аналогичных предприятий в Москве и Подмоскowie. Успешно функционировали 4 солодовенных завода, поставлявших на рынок необходимые для производства кваса и пива компоненты. Кроме того, в посаде действовали купоросная фабрика, кирпичный и медный заводы⁵.

Однако в 1785 г. в ремесленные объединения не вошли мастера по художественной обработке дерева, хотя поселения вокруг Троице-Сергиева монастыря издревле славились мастерством резчиков по дереву и красотой деревянной расписной посуды. Сопутствующим товаром в посудном промысле был «мелочный (щепной) товар». Еще в 1773 г. составители «Географического лексикона» сообщали о производстве в этих местах не только деревянных расписных чашек и ларчиков, но и детских игрушек⁶.

Конец XVIII в. – время постепенного угасания посудного промысла и расцвета искусства резьбы и росписи игрушек. Этот процесс прослеживается не только в Сергиевском посаде. А.К. Чекалов в книге «Народная деревянная скульптура Русского Севера» писал: «К игрушке как к последнему шансу выжить, как к единственному ходовому товару обратились бывшие посудники, иконостасники, резчики пряничных досок. Фантазия и творческий порыв, ранее уходившие в прялку и валец, все чаще ищут выхода в свободной декоративной пластике – игрушке или скульптуре»⁷. Связь посудного и игрушечного производства прослеживается до самого конца XVIII в. Так, например, в 1797 г. житель Сергиевского посада крестьянин П.К. Подмастерьев взял для выучки «раскрашивать посуду и прочия забавочные вещи, чему он сам искусство знает, мещанского сына Николая Хрустачева»⁸.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Сергиевском посаде возникает принципиально новый ходовой товар, ставший позднее характерной особенностью местного производства. Современники называли его «куклами», которые позднейшие исследователи причислили к детским игрушкам. В музейных коллекциях сохранились относящиеся к началу XIX в. деревянные резные раскрашенные фигурки дам, офицеров, всадников («седочков») и др. Иное мнение о назначении и роли этих вещей высказал В.М. Васilenko: «Надо думать, что дошедшие от первой половины XIX в. деревянные фигурки были не игрушками, а своеобразными статуэтками». Он писал о сергиевских бабьях и гусарах как о «накомодных украшениях» и проводил параллель с тогдашней модой на фарфоровую скульптуру⁹. О.А. Соснина, исследуя описи имущества и убранства дворцов XVIII в.,

заметила, что в то время термином «кукла» обозначались прежде всего фигурки из порцелина, бронзы, алебастра, гипса («лепные») или из воска («вощаные»). Документы с использованием этого термина обычно составлялись малоискусственными в литературной стилистике управляющими. «Слова *кукла*, *статуйка*, *штука* представляют терминологический ряд, наиболее употребимый в XVIII столетии для обозначения мелкой пластики»¹⁰.

Сохранилось предание о происхождении кукольного производства в Сергиевском посаде. Оно впервые приводится в статье И.П. Боголепова и воспроизведено затем в книге Г.Л. Дайн, диссертации Н.Н. Мамонтовой и других публикациях. Некий глухонемой Татыга вырезал из липы куклу высотой в 9 вершков (примерно 40 см) и отдал ее купцу Ерофееву за 7 гривен. Она была выставлена в лавке Ерофеева, и вскоре на нее нашелся покупатель. Тогда догадливый торговец сделал Татыге заказ на деревянные резные куклы. Татыга тоже понял, что это выгодное дело, и стал набирать учеников из посадских детей. Новое мастерство быстро переняли другие мастеровитые и предприимчивые жители Сергиевского посада. Н.Н. Мамонтова убедительно доказывает историчность персонажей этой легенды, по крайней мере купца Ерофеева. Она идентифицирует его с личностью А.Е. Ерофеева (1777–1850) – одного из крупнейших предпринимателей посада первой половины XIX в., владевшего Гостиными рядами на Красной горе – самым бойком торговым месте посада¹¹.

Имеющиеся в моем распоряжении документы позволяют дополнить и старую легенду, и реконструкцию Н.Н. Мамонтовой. Это договоры и контракты, зафиксированные в книгах ратуши Сергиевского посада и хранящиеся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ, ф. 73). Наиболее ранний из обнаруженных – контракт 1796 г. о поставке «разного мастерства штук» отставным канцеляристом П.С. Ленковым купеческому внуку С.А. Тарбинскому¹². Петр Ленков – сын живописца Сидора (Исидора) Ленкова, бывшего штатным служителем Лавры. Об уровне живописного мастерства отца говорит тот факт, что в 1764 г. он был отправлен монастырскими властями в Петербург для копирования портрета наследника Павла Петровича, в 1786 г. им были написаны «два высочайших портрета» для местного священника Фадеева. Сидор Ленков руководил не только местными, но и московскими живописцами во время поновления Троицкого собора Лавры в 1777 г. Представитель другой стороны – С.А. Тарбинский – внук Д.С. Тарбинского, бывшего ратманом в 1782–1785 гг. и бургомистром ратуши в 1795–1798 гг. Отец и дядя С.А. Тарбинского – Афанасий и Петр Тарбинские занимались различной коммерческой деятельностью, в том числе шелковым промыслом, и имели при доме фабрику, но к 1798 г. разорились. Сам С.А. Тарбинский с середины 1790-х гг. вел активную коммерческую деятельность и его имя мелькало в приходо-расходных книгах Троице-Сергиевой Лавры среди контрагентов. Среди его товаров были кирпич, свечи, скипидар, хрусталь, специи, краски, а выручка от продаж варьировалась от 4 р. 90 к. в 1795 г. до 397 и 548 р. в 1800 и 1803 гг. соответственно¹³. В контракте указывается ассортимент, закупочная цена каждого вида изделий, используемые краски («шевервенс, аглицкая желтая, киноварь, ярь виницейская, шижгиль немецкая, белилы») и лак, а также обязательство заказчика поставлять необходимые для мастера материалы. В числе оговоренных контрактом изделий значились «кони разные с седоками» и «кони большие, как то Александр Македонский» по цене 1 и 1,5 руб. соответственно. Обратим внимание на то, что в это время пуд ржаной муки стоил 58 коп.¹⁴

Обычно всадники и лошади для них изготавливались разными мастерами. Точность и мастерство сборки были так высоки, что на качестве фигурки это не сказывалось. В данном случае из договора не следует, что для изготовления данного вида изделий привлекались другие люди. Сохранившиеся в музейных коллекциях всадники на конях, или, используя местное название – «седочки», относятся к более позднему времени – к первой трети XIX в. Это дало основание соответственно датировать возможное время появления такого типа игрушек. Деревянные резные фигурки тщательно окрашены и покрыты лаком. Их высота варьируется от 19–21 см до 36–45. Это вполне соответствует терминологии приведенного документа – кони и кони большие. Обращает на себя внимание название больших всадников из контракта – Александр Македонский. Скорее всего образ Александра Македонского был навеян популярными в народе лубочными листами, что свидетельствует о знакомстве мастера с этим видом изобразительного источника, об уровне культуры и производителя, и потребителя одновременно. Позднее, после Отечественной войны 1812 г. обычно изображались гусары и казаки, ставшие символами мужества и удали. По мнению Н.Н. Мамонтовой, крупные фигурки всадников раннего периода отличаются особенно тщательной и искусной работой. Возможно, в окраске применялась яичная темпера, характерная для старинных ремесел посада¹⁵. Сложно удержаться от соблазна идентифицировать неизвестного мастера с личностью Петра Ленкова, происходившего из семьи профессионального монастырского живописца.

Кроме этих фигур, договор предусматривал изготовление «конопе 1 сорта..., конопе 2 сорта..., конопе двойные» по цене – 1 руб., 0.7 руб. и 1.5 руб. соответственно. Канапе – это диван с приподнятым изголовьем, обитый мягкой материей или кожей, но, возможно, по терминологии местных мастеров это могло означать и что-то другое. Упоминаются и совсем загадочные «штуки одинакие большия и штуки второго сорта» по цене 35 и 30 коп. и «прочие всякого звания штуки», цена на которые устанавливалась бы по рассмотрению каждого экземпляра «полюбовно». По мнению О.А. Сосниной, этот термин употреблялся для обозначения предметов декоративно-прикладного искусства, в частности фарфоровых фигурок и посудных форм¹⁶. Аналогичный товар – «разные штуки» – обязался делать для этого же купеческого внука мещанин П.И. Дрождин в 1802 г.¹⁷. Контрактом оговаривалось место работы – «у Тарбинского в дому», срок – 1 год, сумма – 105 руб. с пищей и одеждой. Причем часть суммы (35 руб.) Дрождин получил авансом для оплаты имевшегося на нем долга купцам Ерофееву (!) и Губину(!)¹⁸. Обратим внимание на размер оплаты труда. В этом же году наем на годичный срок на кузнечную работу оценивался в 50 руб. с хлебным содержанием.

Теперь об А.Е. Ерофееве. Он был одним из сыновей Е.П. Ерофеева, бывшего дважды городским головой Сергиевского посада (в 1782–1786 и 1798–1799 гг.). В 1798 г. Ерофеев старший имел «при доме хлебный и на Красногорском рынке в лавке кукольным товаром торг», занимался приготовлением солода и его поставками. За поступок, недостойный звания городского головы и купца (он избил палкой солдата), Е.П. Ерофеев снят с должности и переведен в мещанство. После этого его сыновья вступили в купечество с условием, что их отец остается в мещанстве¹⁹. В 1798 г. А.Е. Ерофеев, еще в качестве купеческого сына, заключает годичный контракт с мещанином Н.М. Бурдуныным на поставку «разного сорта кукол». Ассортимент, к сожалению, в документе не указан, но определяет его заказчик по своему вкусу и потребностям («какие ему угодно»). Оговорены и монопольные права заказчика «работать на одного Ерофеева». Оплата сделная – «по цене какая именно штука стоит», но и она в документе не проставлена. При этом выдан аванс – 50 руб. В 1802 г. А.Е. Ерофеев уже в качестве самостоятельного купца вновь заключил договор с тем же мастером, но уже на 2 года. Условия договора аналогичные, но происходит ужесточение монополии Ерофеева на реализацию произведенного Бурдуныным товара. Неустойка за каждый проданный Бурдуныным на сторону экземпляр составляет огромную сумму – 25 руб., за нарушение двухгодичного срока договора – 50 руб. При этом выдан аванс – 115 руб.

Так жестко свои права заказчики оговаривали далеко не всегда. В 1803 г. в договоре мещан Ракулина и Ананьина о поставке русских сапог сказано: «Если будет оставаться лишние и он их не купит, то волен продавать кому хочю»²⁰. Таким образом, у купца А.Е. Ерофеева не возникала мысль о затоваривании, тем более что он сам определял ассортимент производимых изделий. Более того, Ерофеев делает все, чтобы интересующий его товар данного мастера не попал к другому продавцу и не составил ему конкуренции. Это свидетельство конкурентоспособности и высокого качества производимых Бурдуныным фигур. Сохранился еще один договор, по которому мещанин Игнатий Роцин в 1801 г. «нанялся в работники» к купцу А.С. Оконнишникову сроком на 1 год за 40 руб., обязавшись «работу ж производить ремесленную резьбу кукол, а в летнее время во отправлении сенокоса... вспоможение безоговорочно, словом что приказано будет, всякую работу без малейшего отрицания»²¹.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Сергиевском посаде в ремесленных изделиях стали применять лепку. Начало производству лепной игрушки было положено, согласно преданию, штатным служителем Троице-Сергиева монастыря А.М. Чирковым. Он освоил производство кукол, воспользовавшись опытом монаха, занимавшегося скульптурными работами в обители²². Н.Н. Мамонтова установила, что Чирков – реальное лицо. Он был в составе штатных служащих в 1785 г. По всей видимости, Чирков в своих опытах лепки применял вязкие материалы, из которых в ту пору делались крестики в монастыре – алебастр, гипс, «мастику», а возможно, и бумажную массу²³.

В то время в Лавре не только занимались аналогичными работами, но и обучали им посадских детей. В 1799 г. штатный служитель Петр Чумаков взялся обучать лепному мастерству сына местной крестьянки Варвары Григорьевой. Однако тогда лаврские служители не были монопольными владельцами навыков лепного производства. Уже упоминавшийся крестьянин П.К. Подмастерьев годом ранее зафиксировал в ратуше договор о выучке «лепному кукольному» мастерству сына мещанской вдовы Мавры Барановой Максима²⁴.

Технология производства лепных изделий из бумажной массы была следующей. Имеющуюся модель – «болвашку» – оклеивали в несколько слоев бумагой. Просушенный слой бумаги надрезался и снимался с «болвашки». Снятые половинки вновь склеивали, шкурлили, окрашивали грунтовкой, расписывали и, наконец, покрывали лаком. При таком способе лепки процесс изгото-

товления был простым, быстрым и дешевым. Он сосредоточивался в руках одного мастера, и результат зависел полностью от его умения. При этом процесс лепки не требовал особых художественных способностей. Творчество проявлялось во время отделки товара – росписи изготовленного полуфабриката. Напомним, что крестьянин Подмастерьев владел техникой росписи. В упомянутом договоре 1797 г. он брался обучить ремеслу «расписывать посуду и прочая забавочные вещи»²⁵. Видимо, аналогичным производством – лепной расписной игрушкой – занимался местный житель Ильинского прихода крестьянин И.А. Шкунов. В 1800 г. он взялся обучить «раскрашиванию кукольного мастерства» сына портного цехового мастера Алексея Жукова²⁶. Кстати, в тексте договора нет упоминания об обучении технике лепки игрушки, речь идет только о росписи. Это может означать, что либо обучение лепке подразумевалось само собой, либо началось разделение труда в производстве, когда одни мастера делали заготовки, а другие расписывали их. И то, и другое вполне вероятно. Обучение навыкам одной только росписи было оправдано при условии существования мастерских, где требовались мастера более узкой специализации, благодаря чему можно было организовать поточное производство с большой производительностью труда.

Особую роль в производстве лепной игрушки играла деревянная резная «болвашка» – первооснова изделия, модель для последующего повторения в другом материале. «Болвашки» делали наиболее квалифицированные мастера, лучшие резчики по специальным заказам. Стоили они дорого, и, как правило, мастера долго пользовались ими, так как смена ассортимента происходила не часто. При этом конечный продукт стоил дешево и был доступен различным слоям населения. В собрании Государственного Русского музея хранятся четыре «болвашки», две из которых приписывают одному из мастеров конца XVIII в. «Фигурке» (Фигуркину)²⁷.

Суммируя немногочисленные документальные сведения, можно сделать некоторые выводы. Производство деревянных резных и лепных кукол в Сергиевском посаде существовало уже в конце XVIII в. Этим промыслом занимались представители разных сословий: мещане, крестьяне, разночинцы, штатные служители. Перспективность этого промысла осознавалась жителями посада, которые отдавали своих детей для обучения ремеслу изготовления кукол. Показательно, что в этом виде производства получил развитие такой принцип цехового ремесла, как ученичество, который, как ни парадоксально, в цеховом ремесле Сергиевского посада вовсе отсутствовал. Видимо, эти примеры свидетельствуют и о существовании первых мастерских, где наряду с мастерами работали их ученики. Игрушечный промысел предоставлял более широкие возможности для личного, сравнительно независимого предпринимательства, что было очень важно для городских жителей. Некоторые купцы определяли ассортимент и обеспечивали мастеров необходимыми материалами. Другие организовывали производство в своих собственных домах, которые можно рассматривать как мастерские с использованием наемной рабочей силы. Готовая продукция реализовывалась купцами в собственных и наемных лавках. Среди торговцев кукольным товаром, кроме упоминавшихся ранее, были В.Г. Дудин и И.С. Матвеевский²⁸. Высокий уровень мастерства объяснялся многовековым опытом обработки дерева и творческой изобретательностью. По оценке специалистов, в изделиях раннего периода были сконцентрированы высшие художественные достижения. Кроме деревянных резных кукол, требующих от изготовителя большого мастерства и по этой причине дорогих и не для всех доступных, в посаде производились дешевые аналоги – лепные расписные игрушки, позволявшие изготавливать одно изделие за другим по одной модели, серийно и массово.

Примечания

¹ Чернов С. Статистическое описание Московской губернии 1811 года. М., 1812. С. 49; Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 401; Введенский Д.И. У Сергиевского игрушечника. Материалы для экскурсий по истории и экономике московской кустарной промышленности. М., 1926. С. 49–50, 56; е г о ж е. Кустарные промыслы Сергиевского района и промысловая кооперация // Сергиевский уезд. Сергиев. 1925. С. 190, 213; Л о б о в с к а я Р.А., Л я л и н С.П. Дорогами «Золотого кольца» (От Москвы до Загорска). М., 1981. С. 86, 94.

² Подробнее об этом см.: Б а л д и н В.И. Загорск, История города и его планировки. М., 1981; Ф и л и м о н о в К.А. Сергиев Посад. Страницы истории. XIV – начало XX века. М., 1997; Ч е т ы р и н а Н.А. Посад как тип поселения в XVIII – первой половине XIX в. (терминологические наблюдения) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6.

³ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 575, л. 32; ф. 1204, оп. 1, д. 1638, л. 1–5; ЦИАМ, ф. 73, оп. 1, д. 423, л. 236 об.; ф. 16, оп. 1, д. 486, л. 3.

⁴ РГАДА, ф. 1204, оп. 1, д. 19298, л. 14–19; д. 19303, л. 18–32 об.; д. 19309, л. 15–26 об.; д. 19314, л. 14–22; д. 19319, л. 14–24 об.; Ч е б о т а р е в Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787. С. 116–117.

- ⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 18861, ч. 9, л. 148.
- ⁶ Мамонтова Н.Н. Художественные ремесла и промыслы Сергиева Посада (XV–XX вв.): к проблеме возникновения и развития русских художественных промыслов. Диссертация... канд. искусствоведения. М., 1998. С. 73; Полунин Ф.А. Географический лексикон... М., 1773. С. 400.
- ⁷ Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. С. 119.
- ⁸ ЦИАМ, ф. 73, оп. 1, д. 459, л. 18.
- ⁹ Василенко В.М. Деревянная мелкая пластика // Русское декоративное искусство. В 3 т. М., 1965. Т. 3. С. 245; Мамонтова Н.Н. Указ. соч. С. 78.
- ¹⁰ Соснина О.А. К вопросу терминологии пластики малых форм (опыт глоссария) // Научные чтения памяти В.М. Василенко. М., 1998. С. 27, 34–35.
- ¹¹ Боголепов И.П. Игрушечный промысел // Промыслы Московской губернии. М., 1880. Вып. 2. С. 4.; Дайн Г.Л. Русская народная игрушка. М., 1981. С. 73.; Мамонтова Н.Н. Указ. соч. С. 73, 74.
- ¹² ЦИАМ, ф. 73, оп. 1, д. 456, л. 8, 8 об.
- ¹³ РГАДА, ф. 1204, оп. 1, д. 1402, л. 17 об.; д. 19317, 19335, 19339; ЦИАМ, ф. 73, оп. 1, д. 413, 451; д. 462. л. 166–166 об.; д. 446, л. 11 об.; Шитова Л.А. Троицкая эмальерная школа XVIII – начала XX в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. М., 1995. С. 174, 182, 183.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 1204, оп. 1, д. 19314, л. 14 об., 17 об., 18 об.
- ¹⁵ Мамонтова Н.Н. Указ. соч. С. 120–121.
- ¹⁶ Соснина О.А. Указ. соч. С. 32, 33.
- ¹⁷ ЦИАМ, ф. 73, оп. 2, д. 5, л. 1 об., 17.
- ¹⁸ В 1791 г. купец Алексей Губин собирался торговать посудой в лавке на Красной горе. (РГАДА, ф. 1204, оп. 1, д. 1769, л. 60).
- ¹⁹ ЦИАМ, ф. 73, оп. 1, д. 413, 451; д. 463, л. 12 об.; д. 456, л. 4 об.
- ²⁰ Там же, д. 463, л. 13 об.; оп. 2, д. 5, л. 21 об. – 22; д. 7, л. 23.
- ²¹ Там же, оп. 2, д. 4, л. 17–17 об.
- ²² Боголепов И.П. Указ. соч. С. 5.
- ²³ Мамонтова Н.Н. Указ. соч. С. 127.
- ²⁴ ЦИАМ, ф. 73, оп. 1, д. 466, л. 3, 3 об.; д. 463, л. 18 об. – 19.
- ²⁵ Там же, д. 459, л. 18.
- ²⁶ Там же, оп. 2, д. 2, л. 11 об. – 12.
- ²⁷ Каменская М.Н. Государственный Русский музей. Русская народная деревянная скульптура. Л., 1948. С. 13.
- ²⁸ ЦИАМ, ф. 73, оп. 1, д. 466, л. 26, 26 об., 28, 28 об.

© 2003 г. В.Ф. ЗИМА*

ГЕНРИХ ЯГОДА И НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА С СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕЙ

Раскулачивание и насильственная коллективизация в СССР в начале 1930-х гг. сопровождались грубым нарушением прав человека и привели к гибели крестьянства как класса. В последнее время история коллективизации в СССР пополнилась публикацией новых материалов, которые раньше не были доступны исследователям¹. В данной статье вниманию читателей предлагаются обнаруженные автором в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) документы, освещающие участие в раскулачивании и коллективизации Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и лично заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды.

Сворачивание нэпа в 1928–1929 гг. привело к обострению социально-экономической и политической ситуации в СССР. В деревне нарастало недовольство крестьян изъятием зерна и уве-

* Зима **Вениамин Федорович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.